

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р
КОЛЫЧЕВ

ЖЕСТОКАЯ
КРАСОТКА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Жестокая красotka / Владимир Колычев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Колычев. Любовь зла и коварна).

ISBN 978-5-04-093880-3

Впервые в жизни бандитское чутье подвело Прохора Кожухова. Короткое развлечение со случайной знакомой оказалось частью коварного плана конкурентов по устранению несговорчивого авторитета. И загремел Прохор на нары за преступление, которого не совершал. Но не в его правилах сдаваться. Он изо всех сил стремится выйти на свободу и решить свои проблемы: разобраться с женой, имеющей виды на его бизнес, собрать разбежавшихся поделщиков и найти того, кто упрятал его за решетку... Неудомек бывалому вору в законе, что его нынешние беды — отголосок одной давней измены, разбившей союз двух влюбленных...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093880-3

© Колычев В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Глава 1

Пистолет — голова, пуля — мысль. Выбрал цель, направил в нее мысль, нажал на спуск, и пуля в «десятке». Тут же рядом ложится вторая, третья... Прохор едва ощущал тяжесть оружия в руке. Человек не чувствует, как сердце бьется в груди, а оно гонит кровь, поддерживает жизнь. Так и пистолет бился в его руке. Но не поддерживал, а разрушал чьи-то воображаемые жизни.

Прохор работал по мишеням в стрелковом тире. Но ему приходилось убивать и по-настоящему. Вспоминать об этом не хотелось. А ведь было... Десять лет уже прошло с тех пор, как он попал в переплет, из которого пришлось выходить с боем. Если бы не армия, если бы не подготовка, он бы погиб от первой же нацеленной в него пули...

Сейчас в его жизни очередное затишье, но светлая полоса в любой момент может стать черной. И тогда «зебра» помчится галопом — по ухабам, через овраги, с таящимися в них волками, только успевай подпрыгивать...

Затворная рама остановилась в заднем положении. Можно вставлять новую обойму, возвращать затвор на место и продолжать. Но на сегодня уже хватит. Наушники лишними сложно назвать, но голова все равно гудит. И от дымного пороха щиплет глаза. Хорошего понемногу.

Магазин Прохор все же сменил, пистолет же оставил в руке, снял наушники и сразу услышал женский голос:

— Да я всего лишь один разок!

Он повернул голову и увидел уже не юную, но еще не перезрелую блондинку с ясными янтарными глазами. Каре с челкой, высокие скулы, изящный носик, чувственный рот. Эластичная футболка волнующе обтягивала небольшой, но роскошной формы бюст, черные легинсы плотно облегли длинные стройные ноги. Она глуповато улыбалась, выставляя напоказ ровные, отбеленные зубы. А пистолет в ее руках смотрелся так нелепо, что Прохор обратил на него внимание в последнюю очередь. Хотя и привел себя в боевую готовность. Если блондинку вдруг уго-

раздит навести на него ствол, он не позволит ей выстрелить.

Напрягся и Троха, начальник его охраны.

— Куда разок? Сейчас нельзя! — подскочил к блондинке Алик, смотритель тира, и грубо вырвал из рук пистолет.

Она шархнулась от него с таким видом, будто он собирался ее ударить.

— Кто такая? — спросил Прохор, обращаясь к нему.

— Так это... Сестра моя... Мила.

— Какая я тебе сестра?! — возмущенно глянула на Алика красотка и повторила: — Я тебе никакая не сестра!

— Давай в будку! — разозлился он и, виновато глянув на Прохора, развел руками.

— Я тебе не собака! — вскинулась блондинка.

— Зачем так грубо с девушкой? — тяжело посмотрел на Алика Прохор.

— Ну, она сама виновата...

— В чем?

— Ну, выскочила тут, как черт из табакерки... — Алик взглядом показал на дверь в свою каморку и тут же кивнул на пистолет, который забрал у Милы. — С помелом.

— Он меня еще и ведьмой обозвал! — Блондинка хотела еще что-то сказать в его адрес, но

промолчала. Капризно выпятив нижнюю губу и всхлипнув, она направилась к его каморке. Походка вялая, угнетенная, но и при этом в ее движениях четко просматривалась женская грация.

— Кто такая? — спросил Прохор, когда за Милой закрылась дверь.

— Да так, приبلудная...

— В смысле?

— Да жить негде...

— Не понял...

— Да к отцу приехала, а он ее и знать не хочет. Ей четыре года было, когда отец из семьи ушел. У него уже давно другая семья. Мила ему как не родная...

— В дом не пускает?

— Ну, не то чтобы... Напряжно ей там, а у меня здесь жить можно. — Алик пожал плечами, сомневаясь в том, что тир — подходящая обитель для красивой женщины.

— Так домой к себе заberi.

— Забрал бы... — Алик озадаченно поскреб затылок. — Но у меня семья, да и жена вроде бы на сносях.

— Квартиру сними.

— На какие шиши?

— Отдай на попечение.

— Кому?

Прохор не ответил, но дал понять взглядом.

— Да я не против! — Скрестив на груди руки, Алик порывисто развел ими в стороны.

— Без обид?

— Ну, если она согласна... Пойти спросить?

Прохор качнул головой и сам двинулся к камерке.

Мила лежала на кушетке, уставившись в потолок, и даже не глянула на вошедшего.

— Поехали со мной, — натянуто улыбнувшись, произнес Прохор. — У меня есть квартира, ты можешь там поселиться.

— Если я скажу «нет», ты подумаешь, что я ломаюсь?

Прохор кивнул и улыбнулся уже открыто:

— Не бойся, не обижу.

Мила поднялась, взяла сумочку, осмотрелась, задержала взгляд на женском халате, переброшенном через спинку стула. И сумочка потрепанная, и халат старей, возможно, с чужого плеча.

— Куплю все, что скажешь.

— Ну, хорошо... — направились она к двери, качая бедрами.

Прохор привез Милу в квартиру, предназначенную для любовниц, которые у него время от времени появлялись. И даже задерживались. С одной он прожил даже три года. Втайне от же-

ны. Рита жила в этой квартире полтора года, Юля чуть меньше... Последнее время квартира практически пустовала. То ли стареть Прохор стал, то ли его женщинам не требовалась жилплощадь. Так, захаживал с ними сюда на часок-другой...

— И твоя жена не прогонит? — подозрительно глядя на него, спросила Мила.

— Тебя прогонит, меня нет... — качнул он головой.

Инна любила его беззаветно. И с самого начала их жизни закрывала глаза на его похождения. Знала, что Прохор не может ответить ей взаимностью, потому и терпела.

Не любил он жену, просто вынужден был жить с ней. Потом появилась привычка, затем ребенок, второй. И даже третий... Инна рожала с перерывом в один год, наплодила ему на радость семейной жизни. Любовью он к ней так и не воспылал, но по дому скучал.

— Что, и сцены ревности не будет? — усмехнулась Мила.

— Будет. Но потом.

Инна умела делать лицо на людях и держать паузу. И сцены ревности были, но без свидетелей. Однажды, правда, она пообещала убить соперницу на глазах у толпы. Сначала пристрелила подлеца, который собирался убить Прохора, а

затем наехала на Лиду. Во-первых, она была не в себе, а во-вторых, Лида — особый случай. Прохор имел возможность разлучить свою любимую с мужем и жениться на ней, но делать этого не стал. Да что уж там, он мог просто убить Егора. Вернее, добить. И этим окончательно отомстить ему за свое поражение...

Одиннадцать лет назад все это было. Он вернулся домой из армии, Лида встретила его на вокзале, но появился Егор, за которого, как оказалось, она собиралась выйти замуж. Это был какой-то кошмар. Вслед за которым грянула другая беда.

Прохор оказался не в тот час не в том месте, стал свидетелем бандитских разборок. Его собирались убить на месте, но ситуация вдруг резко изменилась, и Прохору пришлось отбиваться от других бандитов. И так закрутилась тогда карусель, только успевай трупы закапывать...

Через год эта же карусель забросила его на место бандитского пахана. Он оказался в немилости у Афоныча, и тот объявил на него охоту. Но Прохор отказался быть жертвой, и Афоныч сам стал добычей. Прохор сначала объявил его «крысой», а затем застрелил как собаку. А с Завхозом он расправился в честном поединке — на глазах у братвы.

Не смог он в свое время справиться с бандитским движением, зато удалось возглавить его. С тех пор он в теме.

А Лида уехала с мужем. В Москве они, там у них свой бизнес. Прохор собирался ехать за ней, но как-то не сложилось. То одно, то другое... А со временем душевная рана стала затягиваться...

— Терпеть не могу сцены ревности, — вздохнула Мила, — но тебя ведь это не интересует, и вообще не интересует, чем и как я живу...

— Ты живешь с отцом.

— У Алика узнал? Значит, все-таки интересно, — улыбнулась она.

— А сама откуда?

— Ну, не скажу, что из деревни. Хотя и городом наше село не назовешь... Но село большое... Зато я знаю, кто ты такой.

— И кто я?

— Алик мне все уши прожужжал. Прохор то, Прохор се...

— А что конкретно?

— Стреляешь ты очень хорошо. И быстро... Может, я тоже так хочу?

— Зачем тебе?

— Уже незачем... Думаешь, я просто так за пистолет схватилась... Я тебя завлекала...

— Ты могла бы просто сказать, что хочешь меня, — усмехнулся он.

— Да, это было бы не так глупо... Ты ведь смотришь на меня, как на дуру.

— Я смотрю на тебя как на русалку... э-э... — Прохор на мгновение задумался. — С которой хочу счистить чешую.

— Ну, если нож острый... — Мила бросила на него многозначительный взгляд. — Острый... Я не знаю, как ты стреляешь, но заряжаешь быстро...

Прохор кивнул, с вожделием глядя на нее. Не всякая женщина вдохновляет, а с Милой в этом плане, кажется, все «хоккей»...

Женщина должна быть худенькой, стройной, изящной. И даже хрупкой. Во всяком случае, Прохор всерьез так считал. Именно таких женщин он и выбирал. Но Инна склоняла его к другому мнению. Она и в ранней молодости была девушкой, что называется, в теле. И сейчас такая же. Но тело у нее сбитое, упругое, целлюлита нет и в помине. И в купальнике она смотрелась очень даже ничего. Грудь высокая, живот не отвисает, кожа такая же нежная и гладкая... Может, и не питает Прохор к ней страсти, но в постель с ней ложиться совсем не противно. И как она выходит из бассейна, посмотреть приятно...

Обычно по утрам они плавали вместе, но сегодня он слегка припозднился. Боксерской грушей увлекся. Представил на ее месте Вагнера и замечтался. До сих пор кулаки гудят.

— Поплаваем? — спросил он.

— Да, конечно.

Прохор нырнул, и жена покорно присоединилась к нему. Бассейн у них не самый большой, но десяти метров в одну сторону им вполне хватает. А детям тем более. Они сейчас уже просыпаются. Старший Данилка бассейн терпеть не может, зато Мишку из воды не выгонишь. И Танюшка с ним в купальном павильоне частый гость.

— Сегодня с Вагнером разговор будет, — сказал он.

— Ты с ним поосторожней. Из себя не выходи.

— Да уж постараюсь.

Прохор помнил те времена, когда основными фигурами на шахматной доске были Вагнер, Михай и Афоныч. Михай наехал на Афоныча, Прохор помог отбить нападение, закрутилось, завертелось. Михай напирал, Пушкарь получил на него отмашку и взял с собой Прохора. Не было у него тогда другого выхода, как идти на дело. «Сделали» они тогда Михея. Пушкарь забросил

гранату в его бронированный «Мерседес» через открытую дверь. Хоть бы одно стекло вылетело...

Владения Михея тогда поделили между собой Вагнер и Афоныч. А через год место Афоныча занял сам Прохор. Вагнер считал его выскочкой, но бросить ему вызов не рискнул. Все ждал, когда братва отвернется от него и команда начнет дробиться на мелкие части. Но Прохор крепко взял штурвал в свои руки. А сейчас он уже вовсе не молод. Тридцать два года как-никак. И возраст, и опыт, а главное, авторитет...

Времена, правда, уже не те. Менты всю диктуют свои правила, и с ними невозможно не считаться. На прошлое они еще закрывают глаза, а с настоящим мириться не хотят, и пацанов, если вдруг что, «принимают» за милую душу. И уже не подъедешь к начальнику ГУВД, не похлопаешь его панибратски по плечу. Хочешь делать дела — живи по закону... Впрочем, Прохор беспредел никогда не жаловал. И его пацаны давно уже не «быкуют» на людях, выбрасывая пальцы веером. И зубы не крошат кому ни попадя... Да и чего им кочевряжиться? Они все люди взрослые, степенные, семейные. И все при делах — при бизнесе, с которого они и кормятся...

У Вагнера все то же самое. Он и сам старается не плевать на закон, и пацанам своим не позво-